

УДК 82-1:1(47)

ББК 83.3(2)5:87.2(2)522

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; профессор кафедры истории русской литературы; ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьёва. Часть 1¹

Аннотация. Дана эстетическая оценка Вл. Соловьёвым творчества известного поэта 1880–1900-х гг. К.М. Фофанова. Проведена реконструкция восприятия Вл. Соловьёвым лирики поэта, ввиду отсутствия у философа отдельной работы о К.М. Фофанове. Предлагаемая реконструкция позволила определить место Фофанова в соловьёвской иерархии ведущих лириков второй половины XIX в. (А.А. Голенищев-Кутузов, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, А.К. Толстой, А.А. Фет), выявить связь эстетической оценки фофановского творчества с общим отношением мыслителя к извращающим «вечную истину» и «всмирный смысл» декадентским веяниям в литературном процессе 1890-х годов, которые вызывают неприятие Соловьёвым творчества других авторов этого периода (В.Я. Брюсов, А.Л. Волынский, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, В.В. Розанов и др.), а также выявить совпадения или расхождения соловьёвской позиции с современной ему литературной критикой (Н.М. Сололов, Н.Н. Страхов). Для целостного представления об эстетической оценке лирики К.М. Фофанова Вл.Соловьёвым требуется учет его взглядов в таких областях, как этика и историософия. Показано, что неприятие Фофанова-лирика связано у Соловьёва и с его категорическим протестом против этического и исторического «декадентства», в которое, в том числе, впадают новейшие «патриоты», дошедшие в своем национальном, этическом и религиозном ослеплении до апофеоза царствования Ивана Грозного. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что эстетическое отрицание Фофанова-лирика сопряжено в сознании Соловьёва как с общим процессом диагностирования «духовной болезни» современного общества, дающей о себе знать в различных формах (литературных или социальных), так и с вполне конкретным идеологическим размежеванием на «партии» в русском обществе в 1880–1890-е гг. (апофеоз Грозного в стихах А.Н. Майкова в катковском «Русском вестнике»), покровительство Фофанову «Новым временем» А.С. Суворина). Показано, что лирика Фофанова представляется Соловьёву одним из примеров характерного для эпохи феномена подмены понятий: Христа – сверхчеловеком, идеи монархии – тиранией, русской идеи – византизмом, самосознания – самолюбованием, высшего смысла – претенциозной бессмыслицей: неслучайно именно Фофанов становится кумиром эго-футуриста Игоря Северянина, который, частично признавая причастность Фофанова к декадентству, от «шаблонности» и «банальности» поэзии Фофанова делает шаг к авангардному культу «тривиальности», стирающему грань между «истинным» и «фальшивым».

Ключевые слова: лирика К.М. Фофанова, литературный процесс конца XIX – начала XX века, декадентство, авангардизм, эго-футуризм, соловьёвская иерархия лириков второй половины XIX века

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Professor of Department of History of Russian Literature, Leading Researcher, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

V. Solovyov's aesthetic assessments of K.F. Fofanov's lyrics. Part 1

Abstract. The article is devoted to V. Solovyov's aesthetic evaluation of K.F. Fofanov's works, well-known poet of the 1880s–1900s. The reconstruction of V. Solovyov's perception of the poet's lyrics was carried out, due to the philosopher's lack of a separate work on K.F. Fofanov. It allowed to establish Fofanov's place in Solovyov's hierarchy of the leading lyricists of the second half of the XIX century (A.A. Golenishchev-Kutuzov, A.N. Maykov, Ya.P. Polonsky, A.K. Tolstoy, A.A. Fet) and reveal the connection between the aesthetic evaluation of Fofanov's creative work and the general attitude of the thinker to the decadent trends in the literary process of the 1890s. These trends distort the “eternal truth” and “universal meaning” and cause Solovyov's rejection of other authors of this period (V.Ya. Bryusov, A.L. Volynsky, D.S. Merezhkovsky, N.M. Minsky, V.V. Rozanov, etc) as well as to identify the coincidences or discrepancies of Solovyov's position with contemporary literary criticism (N.M. Sokolov, N.N. Strakhov). For a holistic presentation of V. Solovyov's aesthetic assessments of K.F. Fofanov's lyrics it is necessary to take into account his views in such areas as ethics and historiography. It is shown that the rejection of Fofanov-the lyricist is also connected with his categorical protest against ethical and historical “decadence”, which, among other things, includes the newest “patriots” who, in their national, ethical and religious blindness, reached the apotheosis of the reign of Ivan the Terrible. This allows us to hypothesize that the aesthetic denial of Fofanov-the lyricist is associated in Solovyov's mind with the general process of diagnosing the “spiritual disease” of modern society, which makes itself felt in various forms (literary or social). This disease makes itself known also in a specific ideological division into “parties” in Russian society in the 1880s–1890s (apotheosis of Ivan the Terrible in the poems by A.N. Maykov in Katkov's “Russkij Vestnik”, as well as the patronage of Fofanov by A.S. Suvorin's “Novoe Vremia”). It is shown that Fofanov's lyrics seem to Solovyov to be one of the examples of substitution of concepts (a phenomenon characteristic of the epoch): Christ – superman, the idea of monarchy – tyranny, the Russian idea – Byzantinism, self – consciousness – narcissism, the higher sense – pretentious nonsense. It is no coincidence that Fofanov becomes the cult-figure of the ego-futurist Igor Severyanin, who, partly recognizing Fofanov's involvement in decadence, makes a step further from the “formulaic” and “banal” in Fofanov's poetry to the avant-garde cult of “the trivial”, blurring the distinction between “true” and “false”.

Key words: K.F. Fofanov's lyrics, the literary process of the end XIX – beginning XX centuries, decadence, avant-garde, ego-futurism, the Solovyov hierarchy of the lyricists of the second half of the XIX century

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.055-073

Литературно-критическое наследие В.С. Соловьёва не раз становилось предметом исследования², однако, к сожалению, до сих пор нельзя сказать, что в его изучении нет лакун. Одной из них, несомненно, является литературно-

² Из существующих работ сошлёмся только на относительно недавнюю монографию: Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 278 с. [1].

критическое восприятие В.С. Соловьевым поэзии К.М. Фофанова, причем оно в равной степени не привлекает ни соловьеведов, ни пишущих о Фофанове. Иногда их имена оказываются рядом, но, скорее, в параллельных рядах, чем в одном³. Упоминаний о Соловьеве мы зачастую не находим, даже когда даются специальные обзоры оценок фофановского творчества в критике 1890-х гг.⁴ Правда, автор одной из первых постсоветских монографий о поэте Е.З. Тарланов попытался установить тематические схождения с соловьевским наследием – и поэтическим, и философским. Он полагал, что у Фофанова «лирический образ звезды получает более глубокий подтекст, связывающий эстетическое с этическим, и в этом Фофанов созвучен некоторым идеям “христианского” утопизма философии и публицистики своего старшего современника Владимира Соловьева, утверждавшего, что идеальное Богочеловечество для своего воплощения должно, преодолев “эгоизм материальности”, достичь “положительного всеединства” – слияния начал Истины, Добра и Красоты» [5, с. 49–50]; что в стихотворении «А.А. Фету» («Есть в природе бесконечной...») «образ запредельной красоты тесно смыкается с прозрениями философа и поэта В. Соловьева (“...все видимое нами – только отблеск, только тени / От незримого очами” ...»); что «в трактовке земного чувства Фофанов, как многие поэты рубежа веков, близок концепции любви Вл. Соловьева, в которой она сопряжена с постижением высшей сущности мира: земная любовь является необходимой прелюдией к философскому познанию гармонии Вселенной», несмотря на то, что представление о красоте в соловьевской поэзии оказывается «сугубо интеллектуализированным», а «образ “белой женщины” Фофанова несет в себе яркие черты романтической поэтики» [5, с. 109–110]; что «балладный образ “девы – Земной красоты”, подобно “Белой женщине” из сборника “Тени и тайны”, вновь перекликается с образом Вечной Женственности в поэзии (а также в философии, публицистике) Владимира Соловьева»; что, «как и у В. Соловьева, балладная “дева” Фофанова оказывается принадлежностью мира сверхчувственного и сверхматериального, антитезой “простонародной Афродите”» [5, с. 134–135].

К сожалению, в этой выборке мы не находим ответа на существенный вопрос: чем такие «схождения» обусловлены – связаны ли они со знанием Фофановым соловьевской поэзии или исключительно типологические, навеянные самим духом предсимволистской эпохи 1880–1890-х годов? Кажется, сам автор склонен рассматривать их как чисто типологические: «Сходство между этими двумя поэтами [Соловьевым и Фофановым] в самом типе эстетического конфликта, проходящего через поэзию рубежа веков, – между прозой жизни и воз-

³ См.: Шмони́на М. Принципы рецепции поэзии Тютчева в лирике 1880–1890-х годов (К.М. Фофанов, К.Н. Льдов, Вл. Соловьев): дис. ... magister artium по русской литературе. Тарту, 2004. 115 с. [2]; Щенникова Л. Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов. СПб.: Серебряный век, 2010. 478 с. [3].

⁴ См., например: Конкина Л.С., Капралова Е.Г. Творчество К.М. Фофанова в оценках современников // Вестник Мордовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 254–255 [4].

вышеннонедостижимым, а потому призрачным идеалом. В этом же коренное отличие эстетики неоромантизма и нарождающихся модернистских тенденций от романтической эстетики, признающей доступность эстетического идеала “für Wenige” (“для немногих”), прежде всего, для интуитивно познающих его художников» [5, с. 135]. Но, обратившись к вкладу Фофанова в русскую духовную лирику, Е.З. Тарланов, напротив, расподобил Фофанова и от символистов, и от Соловьёва: «Историческая заслуга Фофанова состоит в том, что христианское мировосприятие было впервые интегрировано им в эстетику неоромантизма и модернизма при помощи чисто импрессионистических средств. Такое художественное решение отличало его и от интеллектуальных абстракций Вл. Соловьёва, и от размытой, но достаточно живой конкретности символистов» [6, с. 293]. Насколько чужд Вл. Соловьёв как поклонник поэзии А.А. Фета импрессионизму, это отдельный аспект проблемы, но вот в то, что философско-эстетические взгляды зрелого Фофанова «обнаруживают несомненную связь с близкими иррационалистическими учениями А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гартмана, В. Соловьёва и уходят своими корнями в идеалистическую эстетику немецких романтиков» [5, с. 164], верится с большим трудом, учитывая более чем низкий уровень образованности поэта, сумевшего проучиться в городском училище Петербурга до 4 класса. Сошлемся на свидетельство русского немца Ф.Ф. Фидлера, в общем-то относившегося к поэту не без симпатии и не разделяющего полностью воззрений брата Н.А. Бердяева, С.А. Бердяева, что «стихотворения Фофанова – *лучезарная чепуха*»⁵. При первой личной встрече с Фофановым Ф.Ф. Фидлер расспрашивал его как раз о немецком поэте-романтике:

«Скажите, стихотворение “С плачем ребенок родился на свет...”, – действительно Ваше от начала и до конца?» – «Хм, хм...» – «Думаю, все же не Ваше!» – «Идея заимствована у одного восточного поэта». – «А Вы не ошибаетесь? Точно такое же четверостишие есть у Уланда». – «Я лишь с трудом могу читать и понимать немецкие книги, а кто такой Уланд – знать не знаю». – «А как имя восточного поэта?» – «Не помню»⁶.

Более взвешенным представляется нам мнение издававшего в 2010 году том «Стихотворений и поэм» Фофанова С.В. Сапожкова, который, указывая, например, на близость программных стихотворений-манифестов – «Ищите новые пути!» и «Слово» – из сборника «Иллюзии» (1900 г.) «символистской мифопоэтике, восходящей к построениям Вл. Соловьёва»⁷ или на параллели между «Второй речью в память Ф. М. Достоевского» Соловьёва и стихами Фофа-

⁵ См.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / подгот. текста К. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 31 [7].

⁶ Там же. С. 45.

⁷ См.: Сапожков С.В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом // Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 16 [8].

нова, уточняет: «Скорее всего, эти переклички были навеяны поэту не столько непосредственным знакомством с поэзией и критикой Вл. Соловьёва, сколько общим умонастроением эпохи. В письме к А. В. Жиркевичу от 8 августа 1896 г. Фофанов признавался: “О стихах философа Соловьёва я не имею никакого мнения, ибо книги его не имею ...” ...» [9, с. 521].

Однако в контексте нашей темы степень близости или знания Фофановым соловьёвского творчества – вопрос второстепенный, мы затронули его исключительно в целях продемонстрировать, что и его решение пока далеко от удовлетворительного.

Что касается соловьёведов, то их равнодушие к воззрениям Соловьёва на фофановскую поэзию можно объяснить тем, что, во-первых, сама тема ближе к литературоведческой, относится к литературно-критическому наследию мыслителя, а во-вторых, в отличие от Пушкина, Лермонтова, А.К. Толстого, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского или А.А. Фета, Соловьёв не посвятил Фофанову не только самостоятельной статьи, но и даже отдельной заметки. Ну, а раз нет текста, то нет и проблемы. Действительно, в отличие от судеб Пушкина или Лермонтова, находящихся, можно сказать, в эпицентре соловьёвской эстетики, Фофанов затерян далеко на ее периферии. Отношение Соловьёва к его лирике приходится реконструировать буквально по крупицам. Тем не менее для понимания соловьёвских эстетических воззрений подобная реконструкция не бесполезна, а для восстановления картины восприятия мыслителем эволюции русской лирической поэзии в XIX столетии она просто необходима и актуальна.

Фактического материала, который имеется у нас для данной реконструкции, на первый взгляд, недостаточно. В соловьёвском 10-томном собрании сочинений Фофанов мельком упомянут (прямо по фамилии) только в статье «Иллюзия поэтического творчества». Фрагмент его стихотворения (без упоминания имени) процитирован в статье «Буддийское настроение в поэзии». Прибавим к этому пародию «По поводу стихов Майкова “У гробницы Грозного” и стихов Фофанова “На могиле Майкова”», а также комментирующее ее письмо к К.Ф. Головину от 12 марта 1897 г. Вот, пожалуй, и всё. Можно ли из этих небольших фрагментов выстроить какую-либо целостную концепцию? Попробуем это сделать.

Начнем в хронологическом порядке со статьи «Иллюзия поэтического творчества», впервые напечатанной в «Русском Обозрении» в июле 1890 г. и написанной в связи с выходом в 1890 г. монографии «Иллюзии поэтического творчества: эпос и лирика графа А. К. Толстого»⁸ теперь почти забытого критика, поэта и переводчика Николая Матвеевича Соколова (1860–1908)⁹. Для

⁸ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1890. 299 с. [10].

⁹ См.: Александров С.М. Соколов Н.М. // Русские писатели: 1800–1917. Т. 6. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 709–711 [11].

понимания позиции Соловьева имеет смысл обратиться сначала к труду, заставившему философа взяться за рецензию.

Монография Н.М. Соколова не блещет ни логикой, ни стилем, ни глубиной анализа. Эстетические вкусы автора, несмотря на работу над переводами сочинений И. Канта и Шопенгауэра, не идут дальше Рудина из романа Тургенева, представляющегося ему максимально удачным изображением «человека от мира сего»¹⁰. Предельно наивна и данная им классификация поэтов: 1) самобытные, «истинные поэты», которые «стоят вне юрисдикции эстетики, ибо они сами создают эстетику»; 2) «псевдо-поэты», «поэты-полипы», «поэты-паразиты, сами рожденные от плагиата и теории» и поэтому подсудные «кодексам эстетики и логики»¹¹. Высоты «идеала» ему претят: они пагубны, так как тут «художественная объективность сменяется лирикою и рабством»¹². Он уверен, что «для того, чтобы сообщить жизненную окраску мертвенно-бледным и вымученным иллюзиям, высокопарная эстетика поднимает понятие красоты в область сверхчувственного и говорит о родстве поэзии с небом, отнимая ее от людей»¹³. «Мистической эстетике» этой «мнимой поэзии», прячущейся за пологом «непроницаемой тайны», по его мнению, противостоит истинная поэзия, создатели которой «нормы внешней красоты определяют своим субъективным критерием», находя непосредственно в природе, в людях, «в жизни то, что *нужно* для воплощения их личных идеалов», не зная неуверенности, «рабства перед образом» и «лицемерной тайны»¹⁴.

Исходя из этих шатких критериев, критик пытается указать на «болезнь», овладевшую поэзией, а вслед за ней и самим обществом, вычленить симптоматику этого «серьезного недуга», из-за которого «меркнут идеалы искусства, извращаются эстетические инстинкты, грубеет вкус, ускользает из рук критерий художественного достоинства»¹⁵. Подобных «симптомов» он насчитывает достаточно много: «символическое идолопоклонство», «жажда оригинальности во что бы то ни стало», «приниженность мысли, отсутствие серьезности и устойчивости, тревожная неопределенность и бессилие личной продуктивности», «удушливый и смрадный туман» «таинственной мудрости и символической морали»¹⁶. В поэзии 1880-х годов он видит черты «случайности, незаконченности и недолговечности», тогда как поэзия, как и всякое искусство, должно претендовать «если не на вечность, то, по крайней мере, на долговечность»¹⁷. С его точки зрения, причина этого заключается в неправильном от-

¹⁰ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. С. 11.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 298.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 7.

ношении новейших поэтов к природе: их привлекает «первый и последний день мира, тайны первобытного хаоса и страшный час “великого крушенья”», гибель вселенной, «корчи и конвульсии»¹⁸. Примером подобного «разрушительного вдохновения» и оказывается для Н.М. Соколова Фофанов, который обнаруживает «особую компетентность по части созидания и разрушения миров»¹⁹. Вглядываясь в его «космические представления», критик приходит к выводу, что картины, создаваемые Фофановым, ближе всего к «странным и ненормальным явлениям»²⁰, которые не ассоциируются с природой в сознании нормальных людей. Поэты, вроде Фофанова, «строят не воздушные замки, а новые миры, – и для этого разрушают обычные представления о природе», полагая, что «в этом-то собственно и заключается красота искусства, творчество и вдохновение»²¹. При этом, когда критик говорит, что «наши поэты чаще всего – приемыши газет и журналов», что они черпают свои «великие “идеи”» из газетных передовиц, что «с падением некоторых больших газет и толстых журналов поблекнут и звезды нашей молодой поэзии»²², то, конечно, он целит и в Фофанова, поддержка которого А.С. Сувориным как редактором газеты «Новое время» не являлась ни для кого тайной. Акцентирование же в книге Н.М. Соколова значения «иллюзии» в поэзии 1880-х годов не лишено чуткости – напомним, что итоговый сборник Фофанова 1900 года получил заглавие «Иллюзии». «Парадоксальное сосуществование “сказки” и яви в сознании поэта, тревожномучительного “здесь” и призрачно-прекрасного “там” (“У поэта два царства; одно из лучей...”), когда оба “царства”, не преобразая, могут легко подменять друг друга, формирует программную для эстетики Фофанова концепцию поэзии как “самообмана”, “иллюзии”, которой он сохранит верность до конца жизни. Ситуация, где певец, импровизируя, как бы на глазах читателя созидает мир своей фантазии, которая незаметно “вытесняет” из его сознания мир серых будней, и последующее финальное “саморазоблачение”, “пробуждение” от поэтических наваждений – устойчивый сюжет целого ряда стихотворений Фофанова ..., отражающий существенные особенности его творческой психологии»,²³ – констатирует современный исследователь творчества поэта С.В. Сапожков.

Но Фофанов не единственный антигерой книги Н.М. Соколова. Тут и Минский, «поэтик»²⁴, не способный ни на любовь, ни на дружбу, и Мережковский, для которого столь соблазнительны пессимизм и космополитизм.

¹⁸ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. С. 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 7.

²³ См.: Сапожков С.В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом. С. 14.

²⁴ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. С. 27.

Н.М. Соколов уверен, что на нынешних лириков «невозможна даже хорошая пародия; трудно изобрести такое дикое и нелепое соединение понятий, которое было бы ярче нормального творчества нашей молодой поэзии»²⁵. Стремление «избегать прямых и здоровых впечатлений жизни», уход «из-под юрисдикции здорового мышления» – вот то, что особо акцентирует Н.М. Соколов²⁶. Он убежден, что «критерий мышления психически-больных людей не может служить нормою для поэтического творчества»²⁷ и что не только молодые поэты, но и ряд их предшественников способствовали созданию современной «странной и уродливой иллюзии» творчества, когда образ не имеет для поэтов «серьезного и личного значения», а «их песни – не голос народной души»²⁸. Н.М. Соколов ратует за то, чтобы критика очистила вкусы общества, чтобы она руководствовалась критериями, сформулированными Н.Н. Страховым – «по высшему мерилу красоты, по глубине правды и по чистоте чувства»²⁹. Но если налицо «извращение художественных инстинктов»³⁰, если «наша поэзия находится в состоянии упадка», то «стоит ли на своих ногах и современная критика?»³¹ – задается он вопросом и дает на него отрицательный ответ: «Популярность посредственности – вина критики, симптом ее бессилия или равнодушия»³². Н.М. Соколов недоумевает над «странной непоследовательностью» современной критики (будь это В.П. Буренин или К. Говоров, автор книги «Современные поэты: критические очерки» (1889 г.)), которая «приветствует произведения наших “старцев-поэтов” и презрительно смотрит на самых юных жрецов Аполлона, которые в сущности плоть от плоти и кость от костей предшествующего поколения»³³.

По прошествии столетия после появления книги Н.М. Соколова любопытно наблюдать за тем, как робкими и не всегда верными шагами автор подходит к мысли, которая сейчас стала почти хрестоматийной: «говорить о современных поэтах, не касаясь их предшественников, нельзя»³⁴; творчество А.К. Толстого и А.А. Фета сыграло роль в формировании, пусть и в разной мере, новой поэзии – и предсимволистской, и символистской. Однако эта роль кажется ему губительной для русской литературы, почему он и дезавуирует А.К. Толстого и А.А. Фета как поэтов, доказывает, что стихи А.К. Толстого вообще «не поэзия», а «только подделка под поэзию и ее искажение»³⁵. Плодо-

²⁵ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. С. 14.

²⁶ Там же. С. 10–11.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Там же. С. 10–14.

²⁹ Там же. С. 53.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 22.

³² Там же. С. 53.

³³ Там же. С. 53–54.

³⁴ Там же. С. 54.

³⁵ Там же. С. 298.

творная идея: выявить общность в поэтике лириков двух поколений – нового, предсимволистского, и прежнего в лице А.К. Толстого и А.А. Фета – у Н.М. Соколова деформируется и превращается в навязчивую мечту «подорвать кредит» новоявленных «жрецов Парнасса», установив «те шаблоны, на основании которых можно *предсказать* приемы их своеобразного творчества, выбор сюжета и манеру в разработке существенных моментов фабулы»³⁶. Выявить «шаблоны», унаследованные современной лирикой, по его мнению, необходимо, чтобы указать на истоки двух основных «иллюзий поэтического творчества» – увлечение внешним, «пластическим» элементом (А.К. Толстой) и преобладание «субъективных и лирических мотивов» (А.А. Фет)³⁷.

Неудивительно, что на Соловьева как почитателя талантов А.К. Толстого и А.А. Фета намерения Соколова произвели самое удручающее впечатление. С точки зрения его собственной эстетики художественным произведение становится только тогда, когда в нем есть «ощутительное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира»³⁸. При этом «на современное отчуждение между религией и искусством» Соловьев смотрел «как на переход от их древней слитности к будущему свободному синтезу»³⁹. В «истинном искусстве» он находил «предварение» той будущей «совершенной жизни», которая «основана будет не на поглощении человеческого элемента божественным, а на их свободном взаимодействии»⁴⁰. По Соловьеву, «эти предварения совершенной красоты в человеческом искусстве бывают трех родов», и музыка вместе с чистой лирикой являются для него «прямыми или магическими» предварениями, «когда глубочайшие внутренние состояния, связывающие нас с подлинною сущностью вещей и с нездешним миром (или, если угодно, с бытием *an sich* всего существующего), прорываясь сквозь всякие условности и материальные ограничения, находят себе прямое и полное выражение в прекрасных звуках и словах»⁴¹. Таким образом в чистой лирике, где содержание слито нераздельно с формой⁴², открывается «внутренний существенный и вечный смысл жизни, скрытый в частных и случайных явлениях природного и человеческого мира»⁴³. Правда, Соловьев сознает, что до сих пор ни одному, даже самому гениальному

³⁶ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. С. 299.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 85 [12].

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 236 [13].

⁴³ См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. С. 85.

поэту не удалось «чудо искусства» – дать «правдивое и конкретное, изображение истинно-духовной жизни, – той, которая должна быть, которая совершенно осуществляет абсолютный идеал ... не в одном воображении», но в «действительной жизни»⁴⁴. Но это искусство – уже «в совершенно новой сфере действия»⁴⁵. Для Соловьёва «лирическая поэзия после музыки представляет самое прямое откровение человеческой души»⁴⁶, но откровение отнюдь не чисто субъективное – «ее предмет есть существенная красота мировых явлений», пусть и «более простых, единичных»⁴⁷. По Соловьёву, главное содержание чистой лирики составляют две темы: «вечная красота природы и бесконечная сила любви»⁴⁸, любви вечной, неподвластной смерти. При этом Соловьёв убежден: «... в поэтическом откровении нуждаются не болезненные наросты и не пыль и грязь житейская, а лишь внутренняя красота души человеческой, состоящая в ее созвучии с объективным смыслом вселенной, в ее способности индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни» [13, с. 236]. Все непривлекательное в человеческой душе (и личности) «нуждается не столько в откровении и увековечении, сколько в сокровении и забвении»⁴⁹. Фет и Полонский являются для Соловьёва бесспорными лириками, тогда как у А.Н. Майкова наиболее значительные произведения, напротив, «не принадлежат к чистой лирике»⁵⁰. Упреки Н.М. Соколова в адрес А.К. Толстого за стремление к неуловимому и к красоте, за привнесение «пластического элемента в поэзию»⁵¹ представлялись Соловьёву столь же абсурдными, как и «единственный эстетический принцип и критерий» автора «о зловредности красоты в поэзии»⁵². Недаром позднее в статье «Поэзия гр. А.К. Толстого» (1895 г.) философ назовет Толстого не только «поэтом-мыслителем», но и поэтом-борцом, ратовавшим «оружием свободного слова за право красоты, которая есть осязательная форма истины, и за жизненные права человеческой личности»⁵³. В рецензии на книгу Н.М. Соколова Соловьёв сетовал на «пропажу логики» и недоумевал, стоило ли автору писать о А.К. Толстом и А.А. Фете, «чтоб объяснить этими предшественниками поэзию г. Фофанова и компании, кото-

⁴⁴ См.: Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. С. 90.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Соловьёв В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. С. 234.

⁴⁷ Там же. С. 236.

⁴⁸ Там же. С. 247.

⁴⁹ Там же. С. 236.

⁵⁰ Там же. С. 239.

⁵¹ См.: Соловьёв В.С. Иллюзия поэтического творчества // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 279 [14].

⁵² Там же.

⁵³ См.: Соловьёв В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 135. [15].

рая, по его же мнению, никакого значения и интереса иметь не может»⁵⁴. Успокаивало лишь то, что «поэтам, ни умершим, ни живущим, подобная критика повредить не может», так как данное «критическое исследование» на читателей «едва ли может рассчитывать»⁵⁵.

Размежевание с Н.М. Соколовым проводится Соловьевым и в связи с Пушкиным, вернее с теми, кого можно и нужно считать наследниками его традиции. Для Н.М. Соколова и А.А. Фет, и А.К. Толстой, и А.А. Голенищев-Кутузов лишь ошибочно причисляются к «звездам “пушкинской плеяды”»⁵⁶. Недаром по отношению к ним он иронично закавычивает это определение – для него они не более последователи Пушкина, чем всякие «Фофановы и Минские»⁵⁷. Для Соловьева и А.К. Толстой, и А.А. Голенищев-Кутузов, конечно, входят в число продолжателей пушкинской линии. Возможно, опечатка или плод редактуры издателей собрания сочинений, но в его статье «Иллюзия поэтического творчества» в цитате из книги Н.М. Соколова исчезают кавычки вокруг словосочетания «пушкинская плеяда» и в написании появляется прописная буква: «Родник творчества русской поэзии, говорит он [Н.М. Соколов], иссяк давно, и еще раньше Фофановых и Минских вдохновлялись чужою красотой граф А. Толстой, Фет и другие звезды Пушкинской плеяды...» [14, с. 278]. Тем самым кардинально меняется исходный смысл. Соловьев не сомневается, что издеваться «не без остроумия»⁵⁸ над поэзией Фофанова – «дело, конечно, позволительное, хотя уж слишком легкое», но он убежден, что «вовсе непозволительно ставить на одну доску с г. Фофановым графа А.А. Голенищева-Кутузова единственно на основании его незрелой юношеской поэмы “Гашиш”, которую он сам признал неудовлетворительною и исключил из последнего издания своих стихотворений», так как «в современной литературе автор поэмы “Дед простил” и “Сказок ночи”, несомненно, выдается как настоящий поэт, в стихах которого иногда явственно слышится веяние Пушкинского духа» [14, с. 277]. О принадлежности А.А. Голенищева-Кутузова к пушкинской плеяде Соловьев будет говорить и в 1894 году в статье «Буддийское настроение в поэзии»⁵⁹: «...если не по возрасту, то по литературному типу гр. Кутузов может быть назван “остальным из стаи славной” тех поэтов, которые явились вслед за

⁵⁴ См.: Соловьев В.С. Иллюзия поэтического творчества // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. С. 279.

⁵⁵ Там же. С. 284.

⁵⁶ См.: Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. С. 53.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: Соловьев В.С. Иллюзия поэтического творчества // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. С. 277.

⁵⁹ См.: Соловьев В.С. Буддийское настроение в поэзии // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. [16]. Впервые напечатана в «Вестнике Европы» (1894, № 5, с. 329–346; № 6, с. 687–708). (В Собрании сочинений Соловьева ошибочно напечатана только первая часть данной статьи.)

Пушкиным и Лермонтовым; более чем у кого-либо в его стихе слышится какое-то пушкинское веяние; рамки трех главных его произведений (“Старые речи”, “Дед простил” и “Рассвет”) не выходят из пределов той “деревни, где сучал Евгений”, а в первой из этих трех поэм к пушкинскому внушению нужно отнести и главный характер и развязку» [16, с. 81].

Принадлежность к плеяде для Соловьёва вовсе не означала, что А.А. Голенищев-Кутузов полностью «пушкинианец» по своему мироощущению. Напротив, констатировав его принадлежность к наследникам русской классической поэзии, Соловьёв, как известно, разграничивает христианское настроение Пушкина («поэзия жизни и воскресения») и безнадежное настроение Голенищева-Кутузова (поэзия «смерти и Нирваны»⁶⁰), в конце статьи призывая поэта вернуться «от религии смерти к религии воскресения»⁶¹. Однако примечательно, что, рассуждая о поэтике А.А. Голенищева-Кутузова, Соловьёв по контрасту сопоставляет ее с иной, с его точки зрения, явно антипушкинской. Он приводит фрагмент как раз из Фофанова, из стихотворения «В тяжелую ночь»⁶²: «... самое слабое и расплывчатое стихотворение нашего автора [Голенищева-Кутузова] имеет гораздо более общего с истинною поэзией, нежели такое, например, размашистое произведение новейшего декадентства:

Как ужасно воют черные собаки
На дворе сегодня! Как ненастна ночь!
.....
Как тревожна ночь и как ужасна мука!
Но безмолвен я, лишь ропщет темнота
И, окаменевши, не рождает звука,
От рыданий грудь, от жалобы уста.
Догорая, гаснут трепетные свечи...
Ночь повита крепом, мысль как ночь темна» [17, с.703–704].

Для Соловьёва в этом стихотворении совершенно справедливо лишь фофановское признание, что «мысль как ночь темна». Все остальное представляется ему лишь смешением «поэзии и чепухи, с заменой первого вторым», когда «лирическое одушевление» быстро переходит «в бессвязный бред»⁶³. То, что Соловьёв не называет имени Фофанова, вряд ли знак жалости к нему, скорее, имя не названо по другим соображениям. В 1894 г. у Соловьёва уже нет сомне-

⁶⁰ См.: Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. С. 82.

⁶¹ См.: Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. 1894. № 6. С. 708 [17].

⁶² В дальнейшем стихотворение вошло в сборник: Фофанов К.М. Стихотворения. Часть третья. Снегурка. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1896. С. 29 [18].

⁶³ См.: Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. С. 703–704.

ния, что подобного типа «стихотворение не есть ныне что-нибудь исключительное, а представляет целый *род* литературы, который все более и более становится господствующим у нас, как и во Франции»⁶⁴.

В том же 1894 году, когда Соловьев опубликовал рецензию на сочинения Голенищева-Кутузова, Н.Н. Страхов представил отзыв на этот двухтомник в Академию Наук в связи с вопросом о присуждении Голенищеву-Кутузову Пушкинской премии, которая и была присуждена ему 19 октября 1894 года. Прежде чем непосредственно обратиться к анализу сочинений поэта, критик бегло обрисовывал современную литературную ситуацию в целом, а вместе с тем предлагал собственную, пусть и очень лапидарную историю русской поэзии и ее периодизацию.

По Н.Н. Страхову, первый период «русской школы стихов» начинается «со времен Пушкина, и даже можно сказать со времен Жуковского и Батюшкова»⁶⁵. С 1860-х и вплоть до середины 1870-х годов «поэзия была в загоне», но именами Майкова, Полонского и Фета «историк нашей поэзии должен будет ... обозначить целый период своей истории»⁶⁶. Современный этап надо отсчитывать «приблизительно с турецкой войны»⁶⁷, то есть с 1877–1878 гг. Однако массовость поэтического творчества 1880-х годов, которые дали «такое обилие стихов и стихотворцев, какого никогда не бывало в русской литературе», не свидетельствует о расцвете лирики: переживаемое в 1880-х – начале 1890-х годов «увлечение стихотворством» представляется «явлением неправильным, указывающим на то, что в литературе понизились строгие требования и получили простор низменные вкусы»⁶⁸.

Н.Н. Страхов в свою очередь противопоставляет нынешнее состояние литературы пушкинскому времени и продолжателям пушкинского пути, подчеркивая, что «после Пушкина и Лермонтова, рядом с Майковым, Полонским и Фетом, нельзя было являться с слабыми стихами»⁶⁹. Новейшие поэты не хотят следовать «светилам родной поэзии», не стремятся «сохранять превосходные предания» «русской школы стиха»⁷⁰. Их стихи «страдают или напыщенностью и вычурностью языка, или надуманностью и напряженностью чувств и мыслей, или темнотою, беспорядком, растянутостью, незаконченностью изложения», но что еще хуже – они «подражают современным европей-

⁶⁴ См.: Соловьев В.С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. С. 703–704.

⁶⁵ См.: Страхов Н.Н. Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова. Т. I–II. СПб., 1894 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 63, № 1–3. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1897. С. 4 [отдельная пагинация] [19].

⁶⁶ Там же. С. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 2–3.

⁶⁹ Там же. С. 4.

⁷⁰ Там же.

ским поэтам» и «дело дошло до того, что явились даже подражатели французским декадентам»⁷¹. На таком фоне А.А. Голенищев-Кутузов, конечно, представляется «истинным питомцем русской школы», даже буквально «подражателем Пушкина»⁷².

То, что суждения Н.Н. Стрхова о «русской школе стихов», нашедшей в Пушкине свое полное воплощение, как об «очень строгой школе», которая «не терпит ничего фальшивого, искусственного, смутного», «стремится к правдивости, простоте и определенности»⁷³, в некоторой степени перекликаются с протестами Н.М. Соколова против всего «смутного» и «покрытого мраком таинственности» в новейшей русской поэзии, вполне закономерно. Напомним, что Н.М. Соколов как раз и призывал ориентироваться на страховские эстетические постулаты. Менее ожидаемо совпадение соловьевского неприятия влияния французского декадентства на русскую поэзию со страховским: к 1894 году они уже идейно разошлись и Соловьев давно перестал ощущать в Н.Н. Стрхове «самого интимного человека» и «родного дядюшку»⁷⁴, как это было поначалу.

Вместе с тем нужно обратить внимание на то, что типологизация и размежевание русских лириков проводится Соловьевым исходя не только из оппозиции «пушкинианцы – декаденты», но и из оппозиции «пророк – лже-пророк». По Соловьеву, «истинные поэты всегда оставались пророками всемирного восстановления жизни и красоты»⁷⁵. Соловьев видит пророческое начало и у Пушкина, и у Тютчева, и у Полонского («с пророческою сладостью лучших надежд»⁷⁶), и у А.К. Толстого, который как поэт-патриот «был вправе избрать не историческую, а пророческую точку зрения»⁷⁷.

Что вкладывает Соловьев в понятие поэта-пророка? Стоит напомнить, что именно в 1890-е годы мыслитель уделял теме пророка и пророческого особое внимание. Укажем хотя бы на его статьи «Когда жили библейские пророки?» (1896 г.), «Магомет, его жизнь и религиозное учение» (1896 г.). Можно попытаться с определенной долей осторожности экстраполировать то, что он писал о пророческом даре, и на пророков-поэтов. Тогда окажется, что поэту-пророку присуще не отвлеченная идея Бога, но «живое сознание и чувство»,

⁷¹ См.: Стрхов Н.Н. Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова. Т. I–II. СПб., 1894 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 63, № 1–3. С. 4.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 5.

⁷⁴ Письма В. С. Соловьева. Т. 1. СПб.: Тип-фия т-ва «Общественная польза», 1908. С. 1 [20].

⁷⁵ См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение». С. 59 [21].

⁷⁶ См.: Соловьев В.С. Поэзия Я.П. Полонского. Критический очерк // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 335 [22].

⁷⁷ См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. С. 155.

которое и лежит в основе его веры «в окончательное царство правды»⁷⁸. По Соловьеву, «это высшее сознание», которое и «есть поистине *пророческое*, ибо оно предваряет будущее и самым этим предварением дает людям нравственные силы для приближения и осуществления этого идеального будущего»⁷⁹. Однако «голос пророка, говорящего во имя бесконечности высших духовных стремлений, имеет лишь силу *совета нравственно-желательного*»⁸⁰. Чтобы иметь воздействие, «жизненную силу», этот голос должен исходить «от стремления к безусловному идеалу, т. е. от духа “пророческого”», потому что «тогда только и вековечные формы преданной нам святости воплощаются в живом и бесконечном содержании»⁸¹.

Именно исходя из таких представлений, Соловьев и отрицает пророческое начало у новейших поэтов. Они представляются ему лже-пророками, душевно нездоровыми людьми, чье «лирическое одушевление» легко переходит «в бессвязный бред»⁸². В статье «По поводу сочинения Н. М. Минского “При свете совести: мысли и мечты о цели жизни” (СПб., 1890)» он прямо скажет: «Болезненное развитие душевной жизни стало теперь явлением настолько общим, что безо всякой обиды для г. Минского можно назвать его исповедь интересным психо-патологическим этюдом» [26, с. 263]. Разбор манифеста Н.М. Минского философ завершал суровым приговором-диагнозом: «Душевная болезнь состоит в утверждении своего я как чего-то абсолютного, в полном невнимании к реальной и нравственной связи, делающей это я неотделимой частицей великого целого. Признаки возможного выздоровления заключаются в том, что г. Минский недоволен результатами такого фальшивого обособления своего я. Но действительного выздоровления здесь еще нет, ибо г. Минский, вместо нравственно-практического выхода из ложной жизни, толкует о каких-то “мэонах”, которые, по его собственному заверению, не только не существуют, но и не могут существовать. Надеемся, что он на этом не остановится и поймет, что такая диалектическая абракадабра не в состоянии избавить кого бы то ни было от действительного зла и страдания жизни» [26, с. 268]. Эту борьбу с ложным пониманием задач поэта и искусства в целом мыслитель продолжит в статье «Особое чествование Пушкина» (1899 г.), где будет всемерно подчеркивать искажение пушкинской эстетики и этики Н.М. Минским. «Противопо-

⁷⁸ См.: Соловьев В.С. Когда жили еврейские пророки? // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 198 [23].

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См.: Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 211 [24].

⁸¹ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 315 [25].

⁸² См.: Соловьев В.С. Буддийское настроение в поэзии. С. 703–704.

ложение поэзии рассудку и нравственности», «равнодушие к добру и злу», призывание «мучить и жечь» души людей⁸³ – для Соловьёва вовсе не пушкинские заветы, а заветы «известного разряда людей», чье «постоянно рефлектирующее самолюбие» переходит «в беспредельное самообожание»⁸⁴.

Список литературы

1. Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 278 с.
2. Шмони́на М. Принципы рецепции поэзии Тютчева в лирике 1880–1890-х годов (К.М. Фофанов, К.Н. Льдов, Вл. Соловьёв): дис. ... magister artium по русской литературе. Тарту, 2004. 115 с.
3. Щенникова Л. Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов. СПб.: Серебряный век, 2010. 478 с.
4. Конкина Л.С., Капралова Е.Г. Творчество К.М. Фофанова в оценках современников // Вестник Мордовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 254–255.
5. Тарланов Е.З. Константин Фофанов: Легенда и действительность. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1993. 177 с.
6. Тарланов Е.З. Христианские мотивы в поэзии К. Фофанова // Проблемы исторической поэтики. 1994. С. 285–293.
7. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / подгот. текста К. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 864 с.
8. Сапожков С.В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом // Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 5–64.
9. Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 592 с.
10. Соколов Н.М. Иллюзии поэтического творчества: Эпос и лирика графа А.К. Толстого. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1890. 299 с.
11. Александров С.М. Соколов Н.М. // Русские писатели: 1800–1917. Т. 6. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 709–711.
12. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 75–90.
13. Соловьёв В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 234–260.
14. Соловьёв В.С. Иллюзия поэтического творчества // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 276–284.
15. Соловьёв В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 135–158.
16. Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 81–99.
17. Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. 1894. № 6. С. 687–708.

⁸³ См.: Соловьёв В.С. Особое чествование Пушкина // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 286 [27].

⁸⁴ См.: Соловьёв В.С. По поводу сочинения Н.М. Минского «При свете совести» // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 264.

18. Фофанов К.М. Стихотворения. Ч. 3. Снегурка. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1896. 96 с.
19. Страхов Н.Н. Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова. Т. I–II. СПб., 1894 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 63, № 1–3. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1897. С. 1–19 [отдельная пагинация].
20. Письма В.С. Соловьева. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. 283 с.
21. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 3–60.
22. Соловьев В.С. Поэзия Я.П. Полонского. Критический очерк // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 329–353.
23. Соловьев В.С. Когда жили еврейские пророки? // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 180–200.
24. Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 203–281.
25. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 285–325.
26. Соловьев В.С. По поводу сочинения Н.М. Минского «При свете совести» // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. С. 263–268.
27. Соловьев В.С. Особое чувство Пушкина // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 277–287.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 75–90.
2. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii. Po povodu poslednikh stikhotvoreny Feta i Polonskogo [About lyrical poetry. Concerning the last poems of Fet and Polonsky], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 234–260.
3. Solov'ev, V.S. Po povodu sochineniya N.M. Minskogo «Pri svete sovesti» [Concerning N.M. Minsky's work "In the light of conscience"], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 263–268.
4. Solov'ev, V.S. Illyuziya poeticheskogo tvorchestva [The illusion of poetic creativity], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 276–284.
5. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The meaning of love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 3–60.
6. Solov'ev, V.S. Buddiyskoe nastroyenie v poezii [Buddhist mood in poetry], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 81–99.

7. Solov'ev, V.S. Poeziya gr. A.K. Tolstogo [Count A.K. Tolstoy's poetry], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 135–158.

8. Solov'ev, V.S. Kogda zhili evreyskie proroki? [When did the Jewish prophets live?], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 180–200.

9. Solov'ev, V.S. Magomet, ego zhizn' i religioznoe uchenie [Muhammad, his life and religious teaching], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 203–281.

10. Solov'ev, V.S. Vizantizm i Rossiya [Byzantium and Russia], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 285–325.

11. Solov'ev, V.S. Poeziya Ya.P. Polonskogo. Kriticheskiy ocherk [Ya.P. Polonsky's poetry. Critical essay], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 329–353.

12. Solov'ev, V.S. Osoboe chestvovanie Pushkina [A special celebration of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected works in 10 vol., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 277–287.

Individual Works

13. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* [From the world of writers: characters and judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 864 p.

14. Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya. Ch. 3. Snegurka* [Poems. Part 3. Snow Maiden]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1896. 96 p.

15. Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya i poetry* [Lyrics and poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2010. 592 p.

16. *Pis'ma V.S. Solov'eva. T. I* [V.S. Solovyov's letters. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908. 283 p.

17. Sapozhkov, S.V. Tvorcheskiy put' Konstantina Fofanova: mezhdru klassikoy i modernizmom [Konstantin Fofanov's creative path: between classics and modernism], in Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya i poetry* [Lyrics and poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2010, pp. 5–64.

(Articles from Scientific Journals)

18. Konkina, L.S., Kapralova, E.G. Tvorchestvo K.M. Fofanova v otsenkakh sovremennikov [K.M. Fofanov's creativity in the assessments of contemporaries], in *Vestnik Mordovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2007, no. 2, pp. 254–255.

19. Solov'ev, V.S. Buddiyskoe nastroyenie v poezii [Buddhist mood in poetry], in *Vestnik Evropy*, 1894, no. 6, pp. 687–708.

20. Strakhov, N.N. Sochineniya grafa A. Golenishcheva-Kutuzova. T. I–II. SPb., 1894 [The works of Count A. Golenishchev-Kutuzov. Vol. I–II. St. Petersburg, 1894], in *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. T. 63, № 1–3* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 63, No. 1–3]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1897, pp. 1–19 [otdel'naya paginatsiya].

21. Tarlanov, E.Z. Khristianskie motivy v poezii K. Fofanova [Christian motives in K. Fofanov's poetry], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 1994, pp. 285–293.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Aleksandrov, S.M. Sokolov N.M. [Sokolov N.M.], in *Russkie pisateli: 1800–1917. T. 6* [Russian writers: 1800–1917. Vol. 6]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019, pp. 709–711.

(Monographs)

23. Sokolov, N.M. *Illyuzii poeticheskogo tvorchestva: Epos i lirika grafa A.K. Tolstogo* [Illusions of poetic creativity: The epic and lyrics of Count A.K. Tolstoy]. Saint-Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1890. 299 p.

24. Shchennikova, L. *Russkiy poeticheskiy neoromantizm 1880–1890-kh godov* [Russian poetical neo-Romanticism of the 1880s–1890s]. Saint-Petersburg: Serebryanny vek, 2010. 478 p.

25. Tarlanov, E.Z. *Konstantin Fofanov: Legenda i deystvitel'nost'* [Konstantin Fofanov: Legend and reality]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1993. 177 p.

26. Yurina, N.G. *Literaturno-kriticheskaya kontseptsiya V.S. Solov'eva: istoki, stanovlenie, razvitie* [V.S. Solovyov's literary-critical concept: origins, formation, evolution]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2013. 278 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

27. Shmonina, M. *Printsipy retseptsii poezii Tyutcheva v lirike 1880–1890-kh godov (K.M. Fofanov, K.N. L'dov, Vl. Solov'ev)*: dis. ... magister artium po russkoy literature [Principles of reception of Tyutchev's poetry in the lyrics of the 1880s–1890s (K.M. Fofanov, K.N. L'dov, V. Solovyov)]. Tartu, 2004. 115 p.